

Екатерина Омецинская

ШУКШИН, КОТОРОГО ТАК НЕ ХВАТАЛО

О ПЕТЕРБУРГСКИХ СПЕКТАКЛЯХ ПО ПРОЗЕ В.М. ШУКШИНА

*«ВООБЩЕ К ТЕАТРУ МЕНЯ ВЛЕЧЕТ.
ОХОТА ПОНЯТЬ, В ЧЕМ ЕГО ЖИВАЯ СИЛА,
ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ СТОЙКОСТЬ».*
В.М. Шукшин

Увы, судьба распорядилась так, что произведениям Василия Шукшина дорога на сцену открылась в последний год его жизни. Но уже в следующем театральном сезоне 1974/75 гг. спектакли «Характеры» и «Энергичные люди» шли в двадцати пяти театрах страны, и многие постановки оказались «долгожителями» («Энергичные люди» Г.А. Товстоногова прожили на сцене БДТ пятнадцать лет).

С наступлением другого времени и рождением новейшей драматургии интерес театров к Шукшину поубавился, возникали единичные, хотя и заметные постановки – например, «Рассказы Шукшина» Алвиса Херманиса в Театре наций. Но два сезона назад – к 85-летию автора и 40-летию первых театральных постановок его произведений – в петербургском театральном пространстве снова появились спектакли «по Шукшину».

В сезоне 2013/2014 гг. – «Шуры-муры» Юрия Гальцева и Владимира Глазкова в Театре эстрады им. А.И. Райкина и «Земляки» Михаила Левшина в театре «Комедианты». Затем в Выборге, в театре «Святая крепость» – «А поутру они проснулись» Георгия Цюбиладзе. В конце минувшего сезона (2015/2016 гг.) в Театре на Васильевском состоялась премьера спектакля «Охота жить» режиссера Романа Смирнова.

Три театра из четырех названных имеют областную принадлежность, и то, что Шукшина в качестве посредника между ре-

жиссером, актером и зрителем выбирают не театры «первого ряда», вечно будоражащие слух «творческими экспериментами», легко объяснимо. Герои «из глубинки» интересны театрам, не слишком избалованным вниманием критики (кроме, пожалуй, Театра на Васильевском) и прогрессивной публики, потому что зрители у этих театров совсем другие. Их, не принимающих театральных «новаций», часто винят в неграмотности (популярный способ самозащиты постмодернистов), хотя очевидно, что людям интересен живой человек, и именно он выведен в произведениях Шукшина. Трудно не попасть под обаяние героев, преисполненных неистребимого чувства справедливости. В эпоху тотальной неискренности потребность в этом обаянии велика.

Разные режиссеры выбрали для своих постановок почти одинаковый набор рассказов. Но родились при этом разные миры – житейски простые и глобально философские, бытовые и метафорические...

Свобода начинается с иронии

Недлинные характерные рассказы Шукшина отлично подходят для создания сценических миниатюр: такое решение, естественное для Театра эстрады им. А.И. Райкина, выступившего нечаянным зачинщиком шукшинской «эпопеи», было использовано при создании спектакля «Шуры-муры».

И хотя занятые в нем молодые люди на момент начала работы были еще студентами(СПбГАТИ), не знающими эпохи и обстоятельств жизни шукшинских деревенских «чудиков», эксперимент педагогов курса – Гальцева и Глазкова – удался. Получился синтетический спектакль, в котором одновременно работают законы драматического театра и эстрады, допускаются буффонада и пародия, а мозаичность

построения, отсутствие сквозной сюжетной линии позволяют молодым показать себя на «коротких дистанциях». Шукшинские герои слиты в постановке в единый образ – «народ». Народ этот, одетый в ситец и кирзу, сарафаны и ватники, тельняшки и трухи в самом начале спектакля безудержной, отчаянной пляской развеселит, «зарядит» зрителя, а после, в финале заставит загрустить и задуматься «о жизни вообще».

Визуальное объединяющее начало придумано художником Яной Глушанок. На ближней к зрителю плоскости «двухслойного» задника вырезан силуэт сыгранного Шукшиным Ивана Расторгуева из финальных кадров фильма «Печки-лавочки».

Начиная с первой драматической миниатюры «Кукушкины слезки», чаще всего фоном действию служит черно-белое изображение поля, его мы видим и сквозь

Сцена из спектакля «Шуры-муры».

Театр эстрады им. Аркадия Райкина, Санкт-Петербург.

Фото О. Ковтун

*А. Кастрица – Роза,
А. Лазо – Алла
Каримовна,
А. Кухоткина –
Валентина,
К. Петров – Дед.
Сцена «Три грации»
из спектакля
«Шуры-муры».
Театр эстрады
им. Аркадия Райки-
на, Санкт-Петер-
бург.
Фото О. Ковтун*

силуэт Шукшина. В разных миниатюрах картины внутри силуэта будут меняться: шишкинское «Утро в сосновом лесу», пестрый восточный ковер или его настенный гобеленовый аналог (распространенный в 70-е), узнаваемые афиши советских кинофильмов, изображение молочных стеклянных бутылок с крышками из алюминиевой фольги... Фотопортрет самого Василия Макаровича появится в нише на заглубленном заднике лишь в конце, когда шукшинская природа спектакля будет уже очевидна, и все исполнители ладным хором запоют финальную песню...

Детализацией здесь не сильно озабочены: «эпохальные намеки» на заднике дополняются «телегами» из простых козел, столами, вешалками, стульями, весьма условными изображениями телевизора или радиоприемника. Зато уже вторая миниатюра, основанная на рассказе «Упорный», представляет эстрадно-цирковой номер – баланс десятком посохов, на последнем из которых лежит перышко. Дмитрий Енин, исполняющий роль изобретателя вечного двигателя Мони Квасова, выполняет сложные манипуляции, не теряя драматической линии своего героя, равновесие жизни которого нарушит, конечно, женщина...

Модный показ из рассказа «Внутреннее содержание» превращен в Театре эстрады в целый концерт городских артистов, включая пародиста Илью Архипова. Каскад уважительно-бережных пародий на Клавдию Шульженко, Эдиту Пьеху, Валентину Толкунову, Лидию Русланову, Нани Брегвадзе, Людмилу Гурченко – тоже дань эстраде. Тут же оживает показательно развеселый ВИА «Аккорд» с песенкой про пингвинов, которую приходится повторять и повторять по просьбе «публики». На сцену выпустят и самого улыбчивого американца на свете – Дина Рида, а сводившая в 70-е женщин с ума песня «Элизабет» сведет с ума и современных зрительниц (актеру Алексею Шильникову в обаянии не откажешь).

Эстрадную принадлежность имеет и великолепный квартет, состоящий из трех разновеликих и разнохарактерных «бабенок» (Анастасия Кастрица, Алена Кухоткина, Анастасия Лазо) и утрированно «типичного деда» (возрастные роли – конек Кирилла Петрова, которому всего 25 лет). Квартет появляется на сцене несколько раз за спектакль – с короткими перепалками и отдельным вокально-ритмическим номером «Коток» (музыкальное сопровождение к песне исполняется на...граненых стаканах).

Понять, из какого конкретно рассказа родом эта четверка практически невозможно, хотя разбитная сельская красотка с розой в высокой прическе в исполнении А. Кастрицы (как раз она, схватив заветное перо, нарушит хрупкое равновесие Мониной жизни), кухоткинская мужиковато-приблатненная дылда в беретке и согбенная очкастая интеллигентка, которую играет А. Лазо, – типично шукшинские персонажи. Впрочем, и обаятельно-страстный грузинский мужской ансамбль «Орэра», снабженный кепками-«аэродромами» и карикатурными усами, выведенный на площадку в одной из миниатюр, прямого отношения к Шукшину не имеющий, – знак времени, к которому создатели спектакля отнеслись чрезвычайно бережно. Заслуга режиссеров и молодых актеров (каждый из них играет в спектакле по несколько ролей) состоит не в следовании букве автора, а в сохранении характерной доброй усмешки Шукшина по отношению к героям. Мягкой иронии, а не ерничания – разве не этого так не хватает нам в современном театре? Расположенность к людям шукшинской прозы заставляет зал смеяться, плакать, сопереживать.

В драматических миниатюрах «гальчата» проявляют не меньшее мастерство, чем в родном эстрадном жанре. Шильников может не только точно спародировать почти забытого американского певца, но и глубоко сыграть Сергея из рассказа «Кукушкины слезки». А талантливая клоунесса Кухоткина запросто может вызвать сочувствие к старухе Малышевой, пришедшей сватать постороннюю женщину за своего бывшего ухажера (рассказ «Бессовестные»). И обладающая несомненным комическим даром Алена Савостова обязательно расслышит трагическую нотку в речах своих героинь.

В спектакле Театра эстрады не просто соблюден «родной» жанр, но найден оптимальный баланс между жанрами. Ученики Гальцева не только поют, пляшут, встают на пуанты, временно прячущиеся в резиновых сапогах, доят надутые резиновые перчатки

(коровье вымя), замирают манекенами в витрине магазина (рассказ «Сапожки»). Они становятся проводниками теплоты времени, которой исполнены рассказы Шукшина.

С верой в театр

Владимир Левшин и художник Мария Смирнова-Несвицкая подходят к материализации шукшинских персонажей с завидной обстоятельностью. Небольшая и неглубокая сцена театра «Комедианты» в доме Перцова словно сама подсказала идею трансформации пространства зала в колхозный клуб. Задник декорирован красным «плюшевым» занавесом советских времен, перед ним – некрашенные лавки, над сценой – кумачовая растяжка. Ведущая концерта-конкурса краевой самодеятельности явиться не замедлит. Она одета по принципу «белый верх – черный низ», с алым капроновым бантом, заколотым на груди «в горошек» незамысловатой брошью. На голове – характерная для конца 60-х – начала 70-х прическа «хала». Завклубом, роль которой исполняет Ольга Яковлева, с проникновенной интонацией напоминает зрителям, что бывшее зданием церкви, где «все мы находимся», давно стало храмом искусства, и, огласив номер шефской войсковой части, меняет интонацию на «филармоническую» – объявляет номера концерта: «Музыка Яна Френкеля, слова Михаила Танича»... Дальше – хоровое пение, художественная декламация, танцы под духовой оркестр и гармонию. А еще краевая жизнь 70-х: облегающие, яркие мужские рубашки с острыми воротниками, ватники, отечественные ситцевые и гедеэровские поролоновые стеганые халатики, советская военная форма, кирзовые сапоги, рабочие комбинезоны, полосатые брюки-клевш, электрические самовары, шуба из каракуля, авоськи, советские лозунги... Время не приходится угадывать: оно воссоздано в своей бытовой конкретности.

■ *Pro настоящее*

Места иронии здесь нет. Есть грусть по ушедшей эпохе, по искренности, по простоте и, в то же время, – по значительности проблем особой, незамысловатой, на первый взгляд, жизни, которая для молодого зрителя стала почти что мифом. Жизнь эта (Левшин рассказывает истории участников самодеятельности и людей, судьбы которых связаны с ними) исполнена нравственных

переживаний. Герои спектакля «Земляки» – шоферы, слесари, комбайнеры – люди громкие, шумные. Уж если они выясняют отношения, так «на полную катушку». В искренности, обостренном чувстве справедливости, наивности и любвеобилии им, непутевым, не откажешь.

Взять хоть «пенька» Ивана Петина в исполнении Виталия Кравченко («Раскас»),

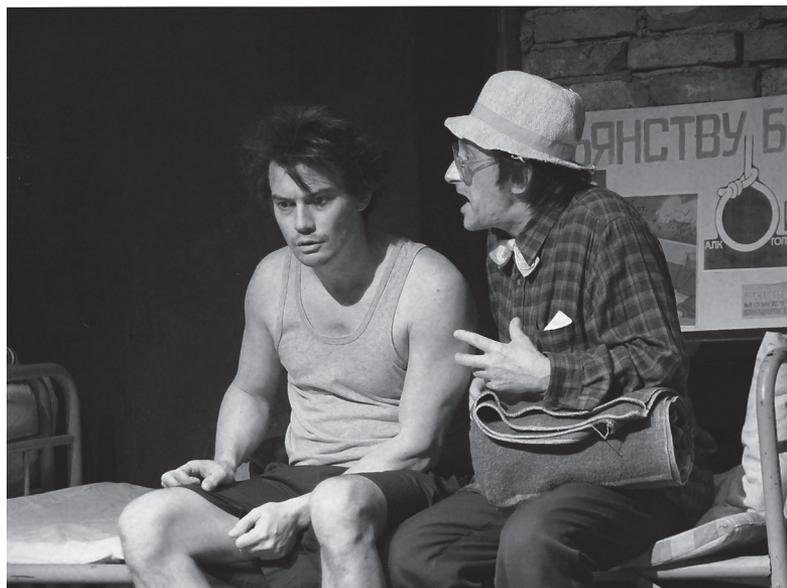
*А. Азарова – Соня,
Т. Кожевникова –
теща,
Е. Талашманов –
Веня.
«Земляки».
Театр «Комедиан-
ты», Санкт-Петер-
бург.
Фото А. Филиппо-
вой*

страдания которого происходят... из первого номера концерта. Только-только, прямо в танце уйдет от мужа с заезжим офицером жена Ивана – Людмила (внешне Алена Азарова повторяет один из образов Гурченко в фильме «Карнавальная ночь»), как разгневанный муж начнет излагать свою драму в письме для районной газеты. Сперва крикливо апеллируя к появляющимся на сцене будущим читателям, скоро застесняется всех и самого себя, и в сторону, в никуда тихо признается: «Сердце у меня к ней прикипело»...

А вот скуповатый простак Веня Зяблицкий в исполнении Евгения Талашманова, лишенный супругой «кровных» денег, отложенных на кожаную куртку, истово забивает гвоздями дверь нужника, где в истерике бьется теща (Татьяна Кожевникова) – причина всех его неурядиц. Вот тот же Веня, «ни за что» получив в суде свои два года условно, сворачивается на грубой лавке в позе зародыша – обиженным, беззащитным ребенком. А вот он, осознав, что «через суд» потерял жену, отчаянно крутит руль условного автомобиля, в котором подвозит осудившего его прокурора (сытого и снисходительного до «простых», что «вы-

пьют на пятак, а беды от них на два восемьдесят семь» – слугу закона играет Геннадий Спириденков). На лице Талашманова в этот момент – не желание мстить, а отчаяние, происходящее от незнания, как теперь он будет жить без своей Соньки-то, которая так хорошо пела в самодеятельности в самом начале истории «Мой зять украл машину дров» ...

Слесарь Костя Худяков из рассказа «Други игрищ и забав» (Роман Притула пластически представляет детскую неуверенность движений героя), до слез переживающий за сестру, что родила безотцовщину, и Сергей Духанин (Анатолий Ильченко), потратившийся на сапоги жене (рассказ «Сапожки»), тоже по-детски наивны в своем желании осчастливить кого-то. «По Левшину» происходит оно не по глупости, не по молодости, не от необразованности или отсутствия опыта. Оно – в самой природе характера. Достаточно взглянуть, какой молодой силищей искренности наделяет попа из рассказа «Верую» разменявший восьмой десяток Юрий Агейкин. Он заставляет всех вместе с ним уверовать в Бога и поверить в человека. Веру эту безусловно разделяет режиссер.

*И. Басыров –
Электрик,
Н. Устинов-Лещинский –
Нервный.
«А поутру они
проснулись».
Театр «Святая
крепость»,
Выборг.
Фото Ю. Василега*

Такие же, как и мы

Для выборгского театра «Святая крепость» спектакль «А поутру они проснулись», основанный на неоконченной повести Шукшина и нескольких его рассказах, стал пробой сотрудничества с Георгием Цнобиладзе, учеником Льва Додина. Художественный руководитель театра Юрий Лабецкий рисковал, доверяя постановку молодому режиссеру, для которого, как и для ребят Гальцева, 70-е годы – уже история. Но рисковал не зря: Цнобиладзе (он же выступил в роли сценографа) поставил перед собой задачу максимально приблизить героев Шукшина к сегодняшнему зрителю. Нет, не насильственно осовременить, а показать, что между «ними» и нами, сегодняшними, нет принципиальных различий.

С учетом того, что история провинциальных мужчин, очнувшихся после пьяных подвигов в вытрезвителе, для отечества в отсутствии вытрезвителей является животрепещущей, с поставленной задачей справиться удалось. Цнобиладзе использует испытанный режиссерский прием – усаживает зрителей на сцене, в непосредственной близости от актеров. Шукшинский текст, острый юмор которого зрителю близок, Цнобиладзе порой решительно перекраивает, совмещая и перемещая героев известных рассказов, выбирая из них самые яркие эпизоды и фразы. Так, в историю про вытрезвитель вплетен заметно измененный рассказ «Мой зять украл машину дров». Цнобиладзе сочиняет сюжет про изъятие женой и тещей пьянчуги Вени из вытрезвителя, завершающийся подвешиванием говорливой тещи, создательницы первых колхозов, на казенной люстре. В литературном оригинале он запер тещу в нужнике, но режиссерское «своеволие» не оскорбит чувств знатоков Шукшина.

Страстный простак Венька, мечту которого о кожанке порушили тещина властность и женина тупая, безропотная подчиненность ее воле – сильная работа

Владимира Павлухина. Не уступают ему и Татьяна Тушина с Галиной Басыровой.

Женские образы, которых в спектакле немного, весьма выразительны. Медсестра вытрезвителя в исполнении Ольги Поляковой кажется настоящей «королевой бензokolонки», сердобольной, наивной, напускающей на себя показную строгость в общении с помятыми жизнью и водкой мужичками. А Галина Кикибуш в роли судьи – всех и вся понимающая женщина, по статусу вынужденная журить бестолковых «сынков» и не скрывающая материнской жалости к ним.

Внимание сразу забирает блистательное мужское трио в составе Николая Устинова-Лещинского (нервный интеллигент), Максима Гладкова (простодушный очкарик) и Ильдара Басырова (сиплый электрик). А нелепый в цитировании «народной мудрости» («Безрукому и нога – рука», «И без лысых светло») милиционер Виталия Стратичука, сам постоянно призывающий на помощь милицию, запоминается своей изумительной забывчивостью... Все это – типы, характеры, которых (словно говорит Цнобиладзе) полным-полно и сегодня. Расцвеченный множеством уморительных оригинальных придумок и музыкальных номеров (например, песней «Вот твой вагон...» из фильма «Бегство мистера Мак-Кинли»), спектакль Цнобиладзе все же несет на себе отпечаток светлой грусти по сокращению ареала наивной человечности, так точно запечатленной в шукшинской прозе.

И все-таки они летают

Спектакль Театра на Васильевском «Охота жить» вобрал в себя больше двух десятков рассказов Шукшина, включая тот, текст которого не вошел в инсценировку Романа Смирнова и Артема Цыпина, зато дал постановке название. В четырех часах театрального времени – серьезнейшее режиссерское высказывание, в котором есть и отстраненное восхищение чистотой жизни

Сцена из спектакля
«Охота жить».
Театр на Васильев-
ском, Санкт-Петер-
бург.
Фото А. Закржев-
ского

Сцена из спектакля.
«Охота жить».
Театр на Васильев-
ском, Санкт-Петер-
бург.
Фото А. Горбань

шукшинских героев, и ностальгия по времени, славном такими людьми, и страстная тоска по живому человеческому общению. Жанрово «Охоту жить» можно определить как трагикомедию.

Сквозным становится рассказ «Степка» (когда-то он лег в основу фильма «Ваш сын и брат», поставленного самим Шукшиным). Это история про не досидевшего свой срок зека, который затосковал по свободе и дому и сбежал из зоны за три месяца до официального освобождения.

Фотография Шукшина из фильма «Печки-лавочки» размещена на центральной части задника спектакля «Охота жить». Василий Макарович становится постоянным зрителем действия, происходящего на

нешироком дощатом настиле, проложенном вдоль стены зрительного зала Театра на Васильевском перпендикулярно сцене. Так же располагаются и зрительские места. Оформление спектакля (авторство его принадлежит Роману Смирнову) предельно просто: сбитые из струганого, некрашеного бруса столы, лавки, табуретки да телевизор-одиночка на высоких ножках.

Сдержанный, немногословный Степан (его роль играет Роман Зайдуллин) остановится напротив изображения Шукшина и, разувшись, усядется в той же позе на помосте лицом к залу.

Тексты и герои разных рассказов здесь перемешаны, имена знакомых персонажей часто заменены, одни действующие лица

наделены чертами характера других. Совмещены в одном лице фельдшер из рассказа «Даешь сердце» и студент мединститута из истории «Медик Володя». Их «среднее арифметическое» – развязного и самоуверенного доктора играет статный красавец Никита Чеканов, чем-то неуловимо напоминающий молодого Евгения Киндинова. В добрейшем и неспешном деде Артема Цыпина собраны воедино Наум Евстигнеев из «Космос, нервная система и шмат сала», Бронька Пупков из «Миль пардон, мадам!» и герой рассказа «Умирал старик». А схожие характеры персонажей «Микроскопа» и «Забуксовал» объединил в простаке Андрюхе Алексей Манцигин, словно самой природой предназначенный для сценического воплощения чудиков.

Понурого мальчика, Андрюхиного сына, тоже «собрали» из нескольких историй. Играет его актриса Евгения Рябова. Виновато вжимает голову в плечи во время ссоры отца и матери, шаркает ногами в сапогах не по размеру, нехотя исполняя родительские указания, доверчиво выслушивает деда или горячо спорит с ним, чувствуя свое молодое, «ученое» превосходство.

В спектакле Смирнова подробен каждый герой, и потому каждый образ врезается в память. Влюбленную в «себя любимую» медсестру, «женщину высокой культуры» из рассказа «Беспалый» актриса Юлия Костомарова собирает из утрированных мелочей – подпиливания ногтей во время разговора, характерного жеста, которым поправляет очки, поучительных интонаций в разговоре с «темными» родителями мужа, поджатых губ.

Серега из рассказа «Сапожки» в исполнении Давида Бродского награжден чертами характера героя рассказа «Дебил»: при всей физической значительности и красоте он словно испытывает за них неудобство, как и за искреннее чувство к жене. Наталья Лыжина блистательна в сцене, когда, стиснув зубы и затаив дыхание, пытается застегнуть на полноватой ноге вожделенные

сапожки, купленные по цене «равной половине цены мотороллера»...

Увы, описать в деталях каждый из двух десятков оживших на сцене Театра на Васильевском характеров не представляется возможным. Можно утверждать: благодаря тонко сплетенному режиссером кружеву и тому, что в актерской игре нет «пробелов», ничемных пауз, «холостых ходов», на подмостках разворачивается жизнь, в которой говорят, что думают, понимают все «напрямки», не изыскивая «заднего смысла», и не комплексуют, не зажимаются, потому что сказали то, что хотели. Рассматривают ли герои в микроскоп микробов, пляшут ли легку-енку, выбирают ли пьесу для постановки в сельском клубе, радуются ли великим открытиям, выпивают ли тесной мужской компанией, присутствуют ли на нелепом модном показе или собираются всем селом за длиннющим свадебным столом – все они делают от души. Трагикомизм спектакля имеет чисто шукшинскую природу. Эти характеры идут от земного корня, в них сильна воля к жизни, они смешны в своей простоте и трагичны в желании постичь то, чего никому из нас постичь не дано. Это люди, способные к полету, к преодолению гравитации быта. Оттого и Гагарин для них – первейший герой, и космическая звездная бесконечность, возникающая в финале спектакля на заднике под музыку Сергея Курехина из кинофильма «Господин оформитель», кажется реальной.

...Ирония. Ностальгия. Констатация. Осмысление. В таком порядке выстраивается суть возникшей в театральном пространстве Петербурга «квадриги» постановок по шукшинской прозе. Может быть, к ним прибавятся новые: простые истины, о которых писал Василий Макарович Шукшин, всегда необходимы зрителям, тоскующим по живым, настоящим, понятным героям.

«Мы умели жить. Помни это. Будь человеком», – из последнего письма Шукшина в издательство «Молодая гвардия». Август 1974 г.